

МИФЫ АРМЕНИИ

Мартiros Ананикян

Рядом с храмом
Суренцианской церкви
в Ереване сохранился
фрагмент фрески, на которой
изображен святой Ананикян.
В центре фрески
представлен святой Ананикян,
сидящий на коне и держащий
в руках крест. Справа от него
написано: «Св. Ананикян».

4. Византизм — это религиозное искусство
византийского периода, которое
развилось в Византии и
распространилось на другие
страны Восточного Средиземноморья.

Мартiros А. Ананикян Мифы Армении

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=610945
Мифы Армении: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-227-02375-9*

Аннотация

Профессор М.А. Ананикян вводит читателей в сложную систему взаимодействия культур, ведь мифология армян связана общими корнями со многими древними мировыми культурами. Персия, Греция, Рим – мощное воздействие самых ярких мировых мифов, сходные архетипы богов и героев не стерли яростной самобытности армянского народа. Мифология армян, принимая в себя множество чужеродных элементов, смогла сплавить их в своем тигле и придать им неповторимые черты особенного свойства. Автор рассказывает о священных древних городах, храмах, полузабытых преданиях и легендах, соотнося этот пестрый узор с четкой канвой исторических событий, на фоне которых совершались тектонические культурные сдвиги.

Содержание

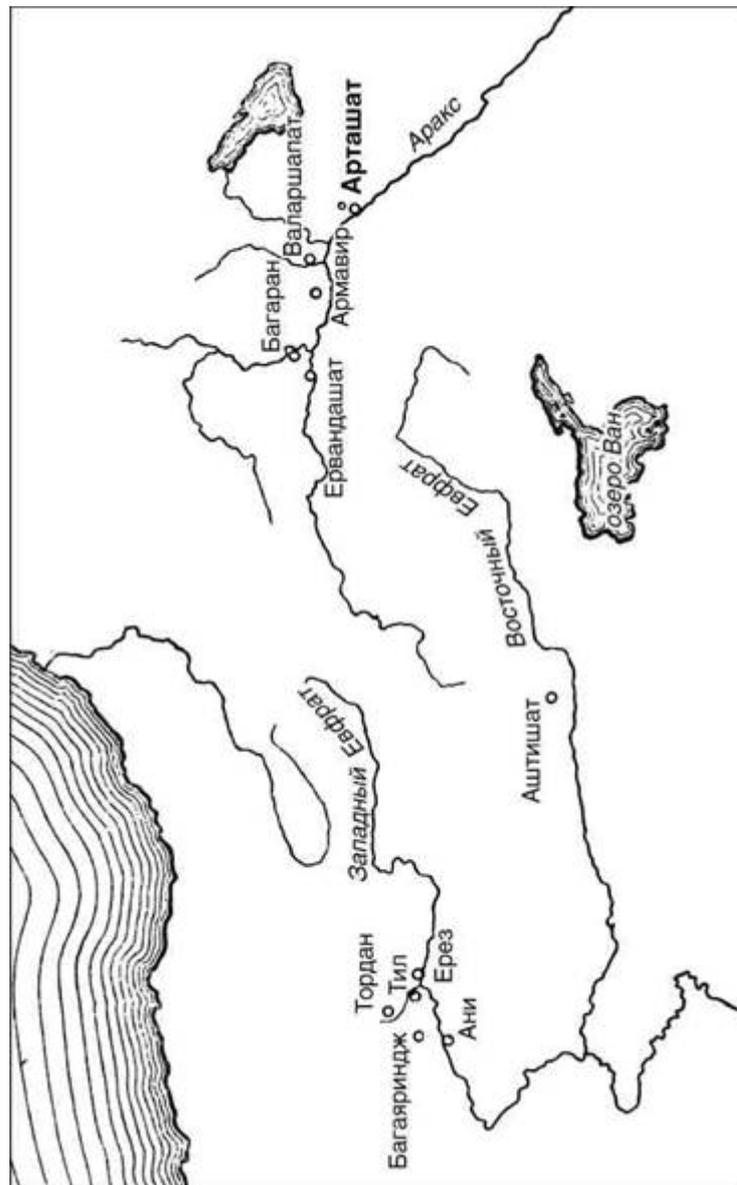
От автора	4
Введение	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	13
Арамазд	13
Анаит	16
Тиур (Тир)	19
Михр (Митра)	21
Спандарамет	22
Глава 4	23
Баал-Шамин (арм. Баршамина)	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мартiros Ананикян

Мифы Аремени

Этот небольшой труд о прошлом с почтением посвящаю памяти армянского воинства, которое сражалось в прошедшей войне за свободу, и великому множеству мучеников, принявших жестокую смерть от турок

От автора

Древняя религия Армении ведет свое происхождение от трех основных источников: национального, иранского и азиатского. Азиатский элемент, включая семитский, пожалуй, не простирается дальше вызывающих возражения, но широко распространенных обрядов, связанных с богиней-матерью. Национальный элемент произошел из Восточной Европы и, должно быть, имеет общее происхождение с иранским. Но, без сомнения, он более древний,

чем Веды и Авеста. Хорошо осведомленный в этом вопросе знаток индоевропейской религии должен вынести свой приговор по поводу ценности материалов, собранных в этом исследовании. В лексическом, фольклорном и литературном наследии армянского народа еще многое не открыто. Никто не может более мучительно, чем автор, сознавать все недостатки этой работы. Ему пришлось выполнить задачу, превосходящую его способности, – сочетать научный труд с доходчивым, связным изложением. Древний материал был не столько скуден, сколько фрагментарен. Поэтому аналогия, где бы она ни встречалась, была призвана восстановить прерванные связи.

Среди многочисленных авторов научных работ по армянской мифологии особенно выделяются три имени: Мкртыч Эмин (Москва), профессор Генрих Гельцер (Йена) и о. Лео Алишан (Венеция). В середине XIX века Эмин положил начало научной трактовке армянской мифологии, и его замечательный вклад в этой области не оценим. Генриху Гельцеру, известному в основном исследованиями по византийской истории, мы обязаны новейшим современным трудом об армянском пантеоне. Что касается Алишана, он был поэтом и эрудитом, но вряд ли имел хоть какую-то научную подготовку. Поэтому его «Древняя религия Армении» – наивное произведение, изобилующее ценным материалом, иногда наводящим на размышления, но чаще – это странные рассуждения, недоступные логическому анализу. Манук Абемян по праву претендует на признание его заслуг в систематизации армянского фольклора, и в то же время не лишен интереса тезис А. Ахароняна по той же теме. К несчастью, статья Стэкльберга, написанная по-русски, оказалась доступной автору только в виде резюме. *Histoire Documentaire de l'Arménie* (фр. «Документальная история Армении») Сандаляна, которая вышла в свет в 1917 году, но попала в поле зрения автора лишь недавно, содержит важные главы о религии и мифологии Армении. Часть книги, интерпретирующая урартские надписи сквозь призму древнегреческих и армянских, не встретила общего одобрения среди ученых. Но его трактовка классического и средневекового материала созвучна написанному в этой книге.

Выражаю признательность как редакторам, так и издателям за их снисходительность ко всем особенностям стиля автора. Сердечная благодарность моему глубокоуважаемому учителю и коллеге, профессору Дункану Б. Макдоналду из Хартфордской духовной семинарии, профессору Льюису Ходэсу из школы Кеннеди по подготовке миссионеров и доктору Джону У. Чэпмену из мемориальной библиотеки Кейса за множество полезных предложений.

Профессор Макдоналд, талантливый, ревностный фольклорист, и профессор Ходэс, исследователь китайских религиозных учений, внимательно прочитали эту работу и помогли мне своими советами.

М.Л. Ананикян

Введение

Политическая обстановка

Задолго до того, как армяне заселили высокое нагорье на юге Кавказа, сейчас известное как Армянское, оно было колыбелью народов, о которых мы владеем лишь скудной информацией. Для нас сейчас не слишком важно, принадлежали ли эти более древние жители к разным этническим типам, имеющим свои национальные названия и языки, или же были они расой, говорящей на диалектах общего родного языка и имеющей какое-то одно название. Ради удобства будем называть их урартами, как ассирийцы. Урарты сформировали группу цивилизованных государств, главным образом сосредоточенных вокруг нынешнего города Ван. Хотя после них остались чудесные сооружения и множество клинописных надписей, свою информацию, касающуюся их политической истории, мы черпаем в основном из ассирийских источников.

Очевидно, урарты принадлежали к тем же неарийским и несемитским племенам, что и так называемые хетты, которые господствовали на полуострове Малая Азия задолго до индоевропейских племен, таких как фригийцы, мизийцы, лидийцы и вифины, пришедшие из Фракии, и скифы и киммерийцы – с северного побережья Черного моря, чтобы провозгласить полуостров своим будущим домом.

Урарты были довольно воинственны и храбро сражались с ассирийцами, имевшими честолюбивые замыслы захватить их земли, до VII века до н. э., пока их страна, ослабленная и дезорганизованная продолжительной борьбой, не стала легкой добычей для армянских завоевателей (640–600 гг.).

Появление армян в Малой Азии, согласно авторитетным источникам, является следствием массового исхода из Фракии. Древние авторы, хорошо осведомленные в этом вопросе, утверждали, что они были тесно связаны с фригийцами, имели очень схожие языки и национальную одежду. Также армяне, по словам Геродота, сражались бок о бок в армии Ксеркса. Медленно продвигаясь вдоль южного побережья Черного моря, они ненадолго остановились на территории, известной в античные времена как Малая Армения, которая, грубо говоря, лежит к юго-востоку от Понта и к северо-востоку от Каппадокии.

Оттуда им пришлось еще раз отправиться в завоевательный поход за обетованную землю, землю урартов, где они укоренились как военная аристократия в горных крепостях и укрепленных городах. Они угоняли большинство прежних жителей на север, а оставшихся превращали в своих рабов, облагали жестокими налогами, задействовали в своих внутренних и внешних войнах и постепенно, но вполне эффективно навязывали им свое название, свой язык, религию и цивилизацию. Естественно, такие отношения должны были достигнуть кульминации в слиянии двух народов. Так и произошло. Но этот медленный процесс окончательно завершился лишь в Средние века, когда турецкое (сельджукское) завоевание страны ввергло в хаос весь общественный строй.

Вскоре после завоевания Урарту армянами, даже до того, как новые правители смогли организовать и консолидировать земли под властью, подобной монархии, Армения была завоевана Киром (558–529 гг. до н. э.), а затем Дарием (524–485 гг. до н. э.). После стремительного наступления Александра Македонского на восток она перешла в руки македонян. Но в 190 году до н. э. два сатрапа, подчиненные Антиоху Великому, сбросили иго Селевкидов. Одним из них был Арташес, который с помощью покинувшего Карфаген Ганнибала спроектировал и построил свою столицу Арташат на реке Араке. За годы правления династии этого царя, ставшего легендарным героем, страна процветала и при Тигране Великом (94–54 гг. до н. э.) достигла небывалого величия. В 66 году н. э. ветвь парфянской династии

Аршакидов укрепились в Армении под сюзеренитетом и покровительством Рима. Первым царем из этого рода был Трдат I, ранее возглавлявший магов¹ своей страны и, возможно, сделавший очень многое для установления в Армении зороастризма. А при Трдате II, потомке этого же царского рода, в начале IV века н. э. распространилось христианство, уже долго существовавшее в стране, но до этого часто преследуемое.

¹ Маги – зороастрийские священнослужители.

Глава 1

Развитие религиозных верований

Урарты верили в высшее существо, бога, имя которого было Халди. И если не все население, то большая его часть, называла себя халдами². Это название народа в провинции, расположенной на северо-западе Армении, откуда все прежние жители были угнаны армянскими завоевателями. Оно сохранилось и после окончательной гибели урартского государства. В их древнем, отличном от арийского пантеоне бок о бок с Халди стоит Тейшеба, бог грома и войны, широко известный в Западной Азии, и Шивини, бог солнца. Эти три мужских божества составляли триаду, повинуюсь вавилонскому влиянию. Опираясь на факт, что в вавилонской триаде, состоящей из Сина (луны), Шамаша (солнца) и Раммана (бога погоды), Син является властелином небес, ученые пришли к заключению, что Халди также, наверное, был (или стал) богом луны. Было ли это так или иначе, но в урартском пантеоне есть и второстепенный бог луны, названный Шеларди. Кроме того, еще не менее сорока шести второстепенных, в основном местных божеств перечислено в официальном (жертвенном?) списке. В первоначальном пантеоне халди не было женских божеств. Именно этим он принципиально отличается от азиатских (анатолийских) религий, в которых богиня-мать занимает главенствующее положение. Но с течением времени вавилонская Иштар, влияние которой стремительно распространялось, прижилась и в Урарту под именем Шариз.

Можно с уверенностью предположить, что, по крайней мере в поздний период существования, задолго до появления на политической арене армян, Урарту были знакомы индоиранцы и их арийские обычаи и верования. Мидийцы сформировались как нация задолго до 935 года до н. э., а чуть позже скифы укоренились в Манне³, стране, подвластной Урарту на востоке. Неоспоримым свидетельством их влияния является тот факт, что в Манне Халди идентифицировали с Баг-Магиту (Баг-Маздой), верховным богом и, возможно, более древней формой иранского Ахурамазды.

Армяне уважительно отнеслись к религии и всей цивилизации Урарту, находившейся в самом расцвете, когда они поселились на этой земле. Об этом свидетельствует тот факт, что они пощадили древнюю столицу, город Тушпа (нынешний Ван), а провозглашенный столицей позднее Армавир стал для них священным городом. Здесь, согласно национальной легенде, даже царевичи занимались искусством прорицания, прислушиваясь к шелесту листьев священного тополя (*арм.* Saus). С другой стороны, следы армянского язычества убедительно доказывают, что вновь прибывшие дали урартам бесконечно больше, чем заимствовали у них.

Фракийцы и фригийцы, с которыми армяне были родственны, исповедовали в более поздние времена несовершенную, но таинственную религию, и их пантеон был прост.

Рэмсей, в своей статье о фригийцах, допускает, что главное божество, появившееся в Малой Азии с приходом фракийцев, было мужского пола, и, так как местная религия постепенно перенималась завоевателями, этот бог отождествлялся с азиатской богиней и узурпировал ее определенные функции. Во всяком случае, у фригийцев были бог неба Богайос и, должно быть, богиня земли Семела (персидская Замин), которую, без сомнения, стали отождествлять в некоторых аспектах с местной богиней (Кибела, Ма и т. д.). Соединять воедино богиню земли и луны, кажется, было вполне распространенным явлением на Ближ-

² Халди (или халды) – народность, населявшая в эпоху бронзового века юго-восточное побережье Черного моря (ныне территория Турции). В научной литературе первой половины XX в. часто встречается утверждение, что халды – урартские племена, назвавшие себя так в честь Халди, своего верховного бога. Сейчас это предположение считается ошибочным.

³ Манна (Мана) – древнее государство в X–VI вв. до н. э. в Передней Азии (север Ирана).

нем Востоке. Дионис или Сабазий олицетворял источник плодоносящих сил природы, без какой-либо ссылки на род человеческий. Он был богом растительности и виноделия. Его дары: зерно, что поддерживает жизнь (подкрепляет, придает силы), и вино или пиво, что веселят душу. Эти дары возникли из недр матери-земли, повинувшись его мистическому влиянию, потому что земля и Дионис были любовниками.

В день зимнего солнцестояния фракийцы и фригийцы устраивали дикие оргии (вакханалии), когда нагие женщины, впадавшие в экстаз под музыку и танцы, ведомые жрецами, бродили группами в полях и лесах, выкрикивая имя божества или часть его (например, Саба), и каждый оглушительный крик выражал стремление пробудить мертвого бога к воспроизводительной активности. Его представляли стремительно проходящим от детства к юности, от юности – к молодости, так как он должен был воплотиться в быка, самца любого животного, мужчину или даже в дитя. Праздник достигал своего апогея в поглощении теплой окровавленной плоти, только что вырванной из живого быка, козла или... жреца. Сабазия под именем Загрея таким образом разрывали на части и поедали его ревностные служителиницы. В этой священной трапезе бог, без сомнения, воплощался в своих жрицах и посылал земле плодородие.

Нет никаких явных следов таких омерзительных ритуалов в том, что передалось нам из древней религии армян. Есть лишь общеизвестное благочестие. Что бы они ни сохранили, кажется, принадлежит к другому слою фригийско-фракийской веры.

Внимательное изучение этого античного материала указывает на параллельное развитие религии и мифологии Армении и других индоевропейских народов, особенно принадлежащих к языковой группе сатем⁴.

Их языки содержат неисчерпаемый запас индоевропейских слов, связанных с религией, таких как *Tiu* (*Dyaus = Zeus = Tiwaz*), «день», и *Di-kh* (от *Deiva-Deus* и т. д.). Когда древние армяне выкрикивали: «Ти (или Тир [*Tir*]), вперед!», должно быть, они имели в виду Дьяуса Питара, который также был богом войны, а не Тира (*Tiur*), ученого, но довольно мирного летописца богов. Даже имя Варуна появляется у них в иной форме Вран (родственное *ouaravos*;) и в значении «шатер», «укрытие». Вполне возможно, что слово *astwads*, «Бог», которое в христианские времена вытеснило языческое *Di-kh*, «боги», первоначально служило эпитетом отца богов и людей, так же как *Istwo* в германской мифологии.

Имена литовского Перкунаса и германской Фьёргюн, бога грома и погоды и богини земли, до сих пор сохранились в армянских словах *erkin*, «небеса», и *erkir* (*erkinr?*), «земля». Слово *iord*, *erd*, «земля», продолжает жить в армянском *ard*, «земля», «поле».

Другое древнеармянское слово, обозначающее мать-землю, возможно, заключено в слове *armat*, сейчас имеющем значение «корень». Но в форме прилагательного *armti-kh*, «злаки», оно скрывает более раннее значение, которое может прояснить вызывающее много споров ведическое *aga-mati* и авестийское *armaiti*. Слово *holm*, «ветер», изначально, возможно, имело значение «небо», как родственное слову *Himmel*. Ведическое и авестийское *vata* (*герм. Votan?*) представлено в армянском как *aud*, «воздух», «погода», «ветер», Ваю имеет не одно мифологическое имя. Даже ведическое *Ayaman* и германское *Irmin* узнаваемы в имени Арменака, широко известного героя армян, который, таким образом, отождествляется с древними Дьяусом и Тивазом. К ним могут быть добавлены и другие, с которыми мы встретимся позже. А в мифах о Ваагне мы увидим, как в Индии и в германских землях жестокий бог грозы вытеснил более значительную фигуру небесного бога.

⁴ Сатем – одна из двух диалектных групп индоевропейских языков, для которых в определенных позициях характерно появление звука «s»; в западной же группе кентум в тех же позициях характерно произносить звук «k»; к группе сатем относятся индийские, иранские, балтийские и славянские языки.

Дуб (который в Европе был священным деревом бога неба) и вода играли важную роль в армянских ритуалах священного огня. Священный огонь, как и в Европе, был часто погашен водой. Эта религия тесно связана с земледелием. Принимая во внимание полное соответствие фактов по этому вопросу в славянской и древнеармянской мифологии, можно задаться вопросом, не являются ли фракийско-фригийские таинства, только что описанные здесь, локализованным развитием культа молнии, столь характерного для славянской семьи, к которой, возможно, принадлежали фрако-фригийцы и армяне. Действительно, согласно Томашеку, бог грозы занимал очень заметное место во фракийской религии.

Култ молнии, в той или иной степени смешанный с поклонением богу грозы, был широко распространен у индоевропейцев, и это подтверждается у фракийского народа не только именем Хиагна, фригийского сатира (см. главу о Ваагне – гл. 5), и Збел (Сбел) Тиурдос, но и названием «бык», которое принадлежало Дионису, и такими греческими мифами, согласно которым он на короткое время завладел молнией вместо Зевса.

Вскоре после прихода в Урарту армяне попали под очень сильное влияние иранцев и в общественной сфере жизни, и в религиозной. Мощным потоком иранские слова влились в их язык. Благодаря этому факту филологи прошлого поколения склонялись к тому, что армянский язык – ветвь иранского. Когда Ксенофонт⁵ встретил армян, находясь в уединении, им был понятен персидский, и они жертвовали лошадой солнцу (или, возможно, Митре). Ни в религиозной литературе, ни в систематической теологии ничего нет об остатках армянского язычества или культах зороастрийского типа. По-видимому, реформированная религия Ирана проникла в Армению очень медленно, в виде беспорядочной массы распространенных верований, которые иногда вступали между собой в противоречия на своей новой родине. Фактически имена зороастрийских богов и духов, которые встречаются в Армении, несут на себе отпечатки постклассического и досасанидского периодов.

И в конце концов, контакты с Сирией и эллинистической культурой во времена македонян, а особенно при Тигране Великом (95–54 гг. до н. э.), привнесли новый элемент в религию страны. Статуи сирийских и греческих богов и богинь были приобретены тем или иным способом и установлены в армянских храмах. Так, небольшая группа семитских божеств попала в армянский пантеон, и были проведены интересные сравнения между армянскими божествами и богами-олимпийцами. Очевидно, под влиянием греческого Запада и сирийского Юга армяне, принадлежавшие к высшим слоям общества, сочли недостаточным количество своих богов и поставили перед собой задачу создать более впечатляющий пантеон. Это было время примирений, отождествлений, можно сказать, вандальского синкретизма, ведущего к превращению религии армян в необычайно пестрый клубок разнородных верований. Единственное, что их извиняет, – то, что все их соседи шли тем же путем. Поэтому неудивительно, что за краткий период владения Арменией в середине III века Сасаниды предпринимали ряд серьезных попыток обратить страну в веру огнепоклонников. Однако не все было потеряно во времена синкретизма и всеобщей неразберихи. Многие особенности древней эпохи могут быть восстановлены благодаря стойкому консерватизму простых людей, спасших огромное количество подлинного материала. Кратко выражаясь, в нем прослеживается и историческое развитие, и происхождение армянской мифологии. Мы полагаем, что обнаружим в ней урартские, семитские, армянские, иранские и греческие элементы. Но на деле урартская религия слилась с армянской, тогда как греческая всего лишь оставила поверхностный след, а семитская вовсе не продвинулась далеко в своих завоеваниях. По этой причине армянское язычество в том виде, в каком дошло до нас, является главным образом конгломератом исконных и иранских элементов.

⁵ Ксенофонт – древнегреческий историк, писатель, афинский полководец и политический деятель; основной труд «Анабасис Кира» сыграл решающую роль в становлении латинской прозы.

Глава 2 Главные божества

Страбон, прославленный греческий путешественник I века н. э., в своих заметках о культуре Анаит в Эрезе (Эризе) говорит, что «и мидийцы, и армяне почитают все, что является священным для персов, но, кроме того, армяне чтят Анаит».

Официальная (или жреческая) реорганизация национального пантеона, должно быть, была предпринята примерно перед самым началом нашей (христианской) эры. Агафангел⁶ ясно дает нам понять, что царь Хосров, возвратившись после успешных набегов, «приказал разыскать семь великих алтарей Армении и отдал почести с всякими пожертвованиями и ритуальной пышностью святыням своих предков, Аршакидов». Этими святынями были главные храмы семи богов: Арамазда, Анаит, Тира, Михра, Баал-Шамина (армяне произносили как Баршамин), Нанэ и Астхик. Возможно, эти боги и богини все были покровителями (духами) семи планет. Если это так, то Арамазд был повелителем Юпитера, Тир соответствовал Меркурию, Баал-Шамин или Михр – Солнцу, Астхик – Венере, сейчас называемой *Agusyak*, «маленькая невеста». Луна ассоциировалась с Анаит или Нанэ. К этим семи национальным божествам вскоре присоединилось восьмое. Широко известен культ Ваагна, который на самом деле изначально был соперником Баал-Шамина и Михра. Можно также добавить, что получили распространение культы солнца, луны и звезд как таковых и, вероятно, определенное признание – Спандарамет и Затик. Армения полностью переняла культ природы, выразившийся в поклонении горам, рекам, родникам, деревьям и т. д.

Среди главных божеств Арамазд был самым сильным, а Анаит – самой популярной; вместе с Ваагном они образовали триаду. Это превосходство трех богов ставило остальных в незавидное положение второстепенных божеств.

Мы знаем совсем немного о культах древней Армении, но можем сказать в общих чертах, что вряд ли они представляли собой большее смешение разных верований, чем пантеон.

«Храм» обозначается по-армянски двумя словами: *Meḥyan* (возможно, произошло от Митра – Михр) и *Tajar* (имело также значение «столовая»). Множественное число слова *Bagin*, «алтарь», также значило «храм» или «храмы». В храмах хранились несметные сокровища, но они распахивали свои двери перед всеми входящими.

Агафангел описывает пожертвования, сделанные Хосровом после его возвращения из победоносных походов, такими словами: «Он приказал отыскать семь великих алтарей Армении, и он отдал почести святыням своих предков, Аршакидов, пожертвовав белых быков, белых баранов, белых лошадей и мулов с золотыми и серебряными украшениями и вышитыми золотом и отделанными бахромой шелковыми покрывалами, золотыми венцами, серебряными жертвенными чашами, прекрасными вазами с драгоценными камнями, великолепными одеждами и роскошными украшениями. Он также отдал пятую часть награбленного добра жрецам и щедро одарил их».

В Баязиде (древний Баграванд) был найден старинный армянский алтарь с рельефом. Вверху – странное животное, по обеим сторонам – мужчины, одетые в длинные туники. Один – безбородый и несет тяжелую булаву. Другой – с бородой. Их головные уборы, фригийские по своему виду, различаются в деталях. У обоих мужчин руки воздеты в молитве.

Вероятно, слово «жертвоприношение» обозначалось как *srand* (лит. *sventa*, персидское *srenta*, «священный», греч. *ontvδi*; «совершать возлияние»); место для жертвоприноше-

⁶ Агафангел (Агатангелос) – предположительно секретарь царя Трдата (285–330) и двоюродный брат Григория Провидителя, один из первых исторических писателей Армении, автор «Истории обращения армян в христианскую веру».

ний называлось Spandaran, «священное место»; и жреческий род, ответственный за жертвенные ритуалы, был известен как Spandunis. Он занимал высокое положение среди армянской знати.

Даже сегодня Spandanotz имеет значение «бойня», а Spananel – «убивать, умерщвлять». Ни одно армянское слово со значением «жрец» больше не дошло до нас, учитывая, что Кштп – сирийского или азиатского происхождения. Кроме рода Спандуниц был также род Вахуниц, призванный служить жрецами в храмах Ваагна. Этот род также принадлежал к знати.

Жречество было в таком почете, что армянские цари часто отдавали одного или нескольких своих сыновей служить жрецами в прославленных храмах. Местом захоронения важных жрецов считается Багаван (город богов). Страна могла гордиться главным образом тем, что обладала такими жреческими (священническими) родами.

Глава 3 Иранские божества

Арамазд

Кто бы ни был главным божеством армян, когда они завоевали Урарту, в более поздние времена это важное положение занял Арамазд. Арамазд – искаженное *Aura Mazda* из древнеперсидских надписей. Его культ, некогда широко распространенный, одно из самых достоверных доказательств существования в Армении зороастризма, хотя и в очень примитивной, несовершенной форме. Несмотря на этот факт, армянское божество, несомненно, является точной копией своего персидского тезки. Оно обладает некоторыми чертами, которые напоминают нам о более древнем небесном боге.

В отличие от Ахурамазды Зороастра (Заратуштры), Арамазд был верховным богом, но ему не была присуща исключительность. Рядом с ним находились другие боги, пришедшие отовсюду, для которых он был отцом. Анаит, Нанэ и Михр в определенном смысле считались его детьми. Хотя некоторые священники греческой церкви в IV веке рассматривали армянское язычество как значительный шаг в приближении к христианскому монотеизму, надо признать, что оно скорее было отражением прославленного зороастризма, а верховенство Арамазда никогда не восходило в Армении к монотеизму, при котором положение других богов и богинь могло быть принижено превращением в простых ангелов (Амешы и Азаты). Арамазд изображен Ага-фангелом творцом небес и земли, также как и Ксерксом, который говорит в одной из своих надписей: «Аурамазда – великий бог, величайший среди богов, создатель этого неба и этой земли». Армянского Арамазда называли «великим», и он, должно быть, обладал величайшей мудростью (*арм.* *imastun*, родственное слову *mazdao*), но чаще всего он характеризовался как *агі*, «мужественный», «храбрый», что заставляет вспомнить слово «агуа» (арии, индоиранские народы).

Очевидно, он был милосерден и миролюбив, как и почитавшие его люди, для которых мудрость обычно несет в себе идею добродетели. Насколько нам известно, он никогда не изображался воинственным богом, не находился в противоречии с источниками зла, как это отмечается у авестийского Ахурамазды. Однако он, без сомнения, отстаивал справедливость и боролся за нее (*арм.* *ardar*, «справедливый», *иран.* *arda*, *санскр.* *rita*).

Более того, Арамазд дарил процветание, особенно «изобилие и тучность» земле. В этом – проявление его древнего характера небесного бога. Его излюбленный эпитет – *Аменавег*, «приносящий добро». Он делал поля плодородными, а сады и виноградники давали богатый урожай, несомненно, благодаря посылаемому им дождю. Мысль о богине земли отодвинулась на второй план в умах армянского народа. Но абсолютно вероятно, в этой связи что-то подобное фракийской или фригийской вере в Диониса в их воображении соединялось с Арамаздом, и кроме его интереса к плодородию земли его имя иногда использовали для перевода имени греческого Диониса. Все-таки даже персидский Ахурамазда имел отношение к урожаю, и, по словам профессора Джексона, он был «великодушным» богом.

Его добродетельная сущность – источник плодородия, изобилия и причина главенства Арамазда на новогодних празднованиях Навасард. Согласно более позднему календарю XIX века, они наступали в конце лета и, начинаясь 11 августа по юлианскому календарю, продолжались шесть дней. Хотя изначально армянский Навасард, подобно его персидскому ана-

логу, праздновался ранней весной. Несмотря на факт, что Аль-Бируни⁷, в соответствии с более поздней, персидской (семитской?) точкой зрения, считает, что эти празднества устраивались в честь Сотворения мира, можно с уверенностью сказать, что и в Армении, и в Персии это были торжества, связанные с земледелием и с поминовением усопших (см. также главу о Шаапете – гл. 8) и имевшие своей целью добиться дождя и прибавления урожая. На деле Аль-Бируни сообщает нам о том, что в Навасард персы высеивали «на блюде семь полос из семи разных сортов пшеницы и от того, как они росли, делали выводы относительно урожая зерновых в этом году». Они также обливали себя и других водой; обычай, который до сих пор распространен среди армян в пору весеннего сева и праздника Преображения в июне. Изначально это было благое магическое действие призывания дождя. Связь Навасарда с фраварти (*арм.* Hrotik, Гротиц) – месяцем, посвященным в Персии и, возможно, в Армении душам предков, очень значима, потому что в древней арийской религии эти души особенно заинтересованы в плодородности земли.

В более поздний (христианский) Навасард, в августе, второй урожай пшеницы уже находился на току или был надежно спрятан в амбарах, деревья гнулись под тяжестью сладких и сочных фруктов, и сбор винограда был в самом разгаре. Во многих местностях Навасард принимал характер *fete champetre*, сельского праздника, который отмечали рядом со святынями. Деревенские жители стекались туда со своими жертвоприношениями и дарами, с дикой музыкой и простыми танцами. Но Навасард также праздновали в маленьких и больших городах, где находились более знаменитые храмы Арамазда, привлекавшие огромное количество паломников. Мовсес⁸ особо упоминает этот праздник в связи с Багаваном, городом богов. Григорий Маги-строс (XI в.) говорит, что царь Арташес (190 г. до н. э.) на своем смертном одре, страстно желая увидеть дым, устремляющийся вверх из труб и плывущий над деревнями и городами в новогоднее утро, вздохнул:

О! Если б мог я увидеть дым, идущий из труб,
И утро новогоднего дня,
Быков поток и оленей, добытых на охоте!
(Тогда) мы бы затрубили в рог и ударили в барабаны,
как это приличествует царям.

Этот фрагмент напоминает прерванное предложение, с которого Аль-Бируни начинает главу о наурузе (Навасарде): «И он разделил чашу среди товарищей и сказал: „О, если бы науруз был каждый день!“».

В эти радостные дни Арамазд, чрезвычайно великодушный и гостеприимный властитель Армении, становился еще великодушнее и гостеприимнее. Без сомнения, жертвованная ему плоть свободно распределялась между бедняками, а изнуренный дорогой путешественник всегда был радушно приглашен к столу празднующих паломников. В храмах должны были быть просторные залы для приема гостей. И Арамазд – Дионис угощал их своими дарами – зерном и вином.

После введения юлианского календаря армяне перестали праздновать Навасард. Но они все еще хранят память о нем, съедая и раздавая огромное количество сушеных фруктов 1 января, так же как персы отмечали науруз, раздавая сахар.

До нас не дошло никакой информации о рождении или происхождении армянского Арамазда. Его имя появляется иногда как Ормизд, в форме прилагательного. Но мы не

⁷ Аль-Бируни (973-1048) – великий ученый из Хорезма, владевший практически всеми науками, известными в его время, автор многочисленных трудов по истории.

⁸ Мовсес Хоренаци (410–490?) – крупнейший армянский историк, автор «Истории Армении».

слышали, чтобы он был как-то связан с более поздней гипотезой магов об Аурамазде, согласно которой (вероятно, под эллинистическим влиянием) был сыном бесконечного времени (*Zervana Akarana*) и близнецом Ахримана. Более того, Арамазд был богом-холостяком. Рядом с ним не было ревнивой Геры, законной жены, постоянно досаждающей ему своими приставаниями. Даже Спента-Армаити (дух земли), или архангелы и ангелы, некоторые из которых изображаются и как дочери, и как свита Ахурамазды в дошедшей до нас Авесте, не упоминаются в близкой связи с главным армянским божеством. Только однажды в средневековом труде, посвященном жизнеописанию мучеников, Анаит названа его женой. Однако в древних авторитетных источниках эта точка зрения не находит никакой поддержки, хотя, вполне возможно, она существовала *a priori*⁹.

Наша неуверенность в этом вопросе заставляет задуматься, как Арамазд вызвал к существованию богов, которые присоединились к нему. Здесь мифологическая цепь прерывается.

У Арамазда было множество святилищ по всей стране, потому что армянское язычество не было религией, отвергающей храмы, которой пытался стать маговский зороастризм. Самое почитаемое из них находилось в Ани, укрепленном священном городе (возможно, столице древних армян) в провинции Даранали, недалеко от нынешнего Эрзинджана. В нем были могилы и мавзолеи армянских царей, которые, как полагает Гельцер, спали под мирной сенью своего бога. В более поздние времена здесь стояла греческая статуя Зевса, привезенная с Запада вместе с другими знаменитыми скульптурными изваяниями. В святилище служило большое количество жрецов, и некоторые из них были царского происхождения. И святилище, и известную статую разрушил Григорий Просветитель во время своего похода против языческих храмов.

Другой храм (или алтарь) Арамазда найден в Багаване (городе богов) в провинции Баграванд, и еще один – на горе Палат (Пашат) наряду с храмом, посвященным Астхик. Мовсес Хоренаци в связи с этим замечает, что существовало четыре Арамазда, одного из которых называли *Kund* («лысый») Арамазд. Это не были четыре разных божества, а скорее четыре местные концепции одного и того же бога, которые нашли воплощение в характерных скульптурах.

⁹ На основании ранее известного (*лат.*).

Анаит

Вслед за Арамаздом, Анаит была самой важной богиней Армении. В пантеоне она располагалась в непосредственной близости от отца богов, но в людских душах ей отводили главенствующее положение. Она была «славой», «великой царицей или госпожой», «рожденной из золота», «золотой матерью».

Анаит – это авестийская Ардвисура Анахита, чье имя, если оно вообще иранского происхождения, значит «влажная, могущественная, целомудренная», загадочное, но не совсем неподходящее имя для азата – духа порожденных землей родников и рек. Но существует заметная и вполне оправданная тенденция считать, что персидская Анахита заимствована у вавилонян. Считается, что она – Иштар под именем Анату или эламитская Нахунта. Если это так, то, невзирая на ее общеизвестный характер, ей не нашлось бы места в Авесте, пока она бы не избавилась от нежелательных черт и пристрастий. Так в действительности и произошло. Но даже в ее авестийском образе легко узнать оригинал. Эта зороастрийская золотая богиня родников и рек с высокой грудью, подобной гранатовым плодам, имела особое отношение к плодovitости рода человеческого. Она была заинтересована в рождении детей и их воспитании, подобно Иштар, под чьим покровительством дети занимали определенное место в магических ритуалах и священных обрядах. Персидские девушки молились ей о храбрых и сильных мужьях. Куда бы она ни попадала с персидскими армиями и культурой – в Западную Азию, Армению, Понт, Каппадокию, Фригию и т. д., – ее владычество над родниками и реками не принималось во внимание, и она сразу же отождествлялась с некой богиней любви и материнства, обычно с Ма или Великой матерью. Однако было бы разумно предположить, что в самой Персии была популярна Анахита, которая ничем не уступала Иштар. В дальнейшем это подтверждается тем фактом, что персы до сегодняшнего дня называют планету Венера Нахид.

Армянской Анаит также присущ азиатский характер. Она не похожа на шагнувшую со страниц Авесты чистую, идеализированную фигуру. Она – из самого сердца простого народа Персии, или Парфии, но, должно быть, ей присвоены качества и древние святилища какой-то местной богини. Вряд ли она вообще имеет отношение к родникам и рекам. Она просто женщина, дочь Арамазда, сестра персидского Михра и космополитичной Нанэ. Как и в авестийских яштах (гимнах) Анаит, так и в Армении ее самый прекрасный эпитет – «золотая». Ее часто называли «рожденной в золоте» или «золотой матерью» – наверное, потому, что ее статуи были из чистого золота.

В свете того, что было только что сказано, неудивительно, что эта богиня представляла в Армении два разных типа женственности (женщины), согласно дошедшим до нас источникам. Большинство раннехристианских писателей, особенно Агафангел, который бы страстно схватился за любую мелочь, дискредитирующую ее доброе имя, ничего не сообщают о ее развращенных вкусах или непристойных обрядах.

Если и не с долей тонкой иронии, то по крайней мере эхом древнего языческого языка звучат слова царя Трдата, назвавшего ее «матерью всей умеренности», то есть порядка, противоположного распутному и неприличному образу жизни. Все выражение может также толковаться как «рассудительная, целомудренная мать». У Агафангела или Мовсеса нет никаких намеков на непристойные ритуалы, связанные с ее культом.

Не меньший авторитет, чем географ Страбон (63 г. до н. э. – 25 г. н. э.), рассказывает, что великое святилище Анаит в Эресе (или Эрize) в Акилисене (Екегиаце – провинции, которую также называют Анаитакан из-за широко распространенной известности этого храма) являлось центром проведения непристойных обрядов. Здесь прислуживали рабы обоего пола и, более того, дочери знатных семей предавались проституции на определенное время, до того,

как выходили замуж. Это никоим образом не становилось впоследствии препятствием для вступления в брак.

Страбон не единственный, кто представляет Анаит в столь дурном свете. Сами армяне отождествляли ее с Артемидой Эфесской. Фавстос Бузанд¹⁰, писавший в V веке, говорит о не до конца христианизированных армянах предшествующего столетия, утверждая, что они продолжали «втайне совершать обряды древним божествам, предаваясь блуду». Он ссылается на ритуалы, связанные больше с поклонением Анаит, чем ее южной сопернице, Астхик, которую ученые отождествляли с Афродитой и в связи с чьим культом не упоминается ни единой непристойности. Средневековые авторы Армении также делают подобные утверждения относительно Анаит. Ванакан Вардапет¹¹ говорит: «Астарты – позор сидонцев; халдеи (сирийцы или месопотамцы) звали ее Каукабта, греки – Афродита, а армяне – Анаит».

В письме Сааку Арцруни, приписываемом Мовсесу Хоренаци, мы читаем, что в провинции Анцевац находился знаменитый Камень кузнецов. Здесь стояла статуя Анаит, и здесь кузнецы (без сомнения незримые) подняли ужасный грохот, стуча своими молотками о наковальни. Коварные и злые создания (бесы-искусители), то есть идолы, раздали прямо из тигля пригоршни фальшивого лекарства, служившего исполнению злых устремлений, «подобно тем, что святой Киприан предназначил для умерщвления девы Юстины». Впоследствии на этом месте воздвигли алтарь Святой Девы и женский монастырь, названный Hogeatz vank.

Однако не подлежит сомнению, что армянская Анаит позволяла проведение оргий, что на Древнем Востоке было характерно для богов и особенно богинь плодородия. Также не подлежит сомнению, что цель этих непристойных ритуалов – добиться ее благосклонности. С другой стороны, вполне возможно, что в семейной жизни она играла хорошо известную роль рассудительной матери подобно Гере или, скорее, Иш-тар, обряженной невесты и покровительницы брака, ревниво наблюдая за соблюдением мужем и женой взаимных обязательств любви и верности и благословляя их союз. Поэтому мы можем интерпретировать смысл приведенного выше описания этой богини словами, которые Агафангел вложил в уста царя Трдата: «Великая госпожа (или царица) Анаит, которая есть слава и животворящая сила нашего народа, которую почитают все цари, особенно греческий (sic!¹²), которая является матерью всевоздержанности и благодетельницей из-за того, что оказывает милости, но особенно потому, что дарует детей всему человечеству; благодаря которой Армения живет и сохраняет свою жизнь».

Хотя в таких примерах небезошибочно обрисованы особенности, схематичная систематизация фактов имеет свои недостатки, в общем можно сказать, что Арамазд однажды сотворил природу и человека, но ныне он (опираясь на точку зрения размышляющего армянского язычника I века) помогает сохранить жизнь, даря изобилие зерна и вина. Анаит, которой тоже не безразлично все растущее, одаривает детенышами животных и детьми – людей; она печется о них, как мать, и в раннем, и в зрелом возрасте. Арамазд – бог плодородия земли, Анаит – богиня плодovitости народа.

Однако, поскольку она была глубоко человеческой богиней, то имела отношение не только к рождению и опеке над детьми. Как к благосклонной и могущественной матери, к ней обращались в случае тяжелой болезни и, возможно, призывали в других бедах. Агафангел упоминает заботу, с которой она относится к людям. У Мовсеса мы читаем, что царь Арташес, смертельно больной, отправил своего вельможу в Эрез снискать милость добро-

¹⁰ Фавстос Бузанд (Фауст Византийский) – армянский историк конца IV – начала V в., автор «Истории Армении».

¹¹ Ванакан Вардапет (Ованес Тавушеци) (1181–1251) – армянский историк, святой, выдающийся деятель армянской церкви, литератор, педагог, основатель Тавушской академии.

¹² Так (указание на точное соответствие оригиналу) (*лат.*).

душной богини. Но, в отличие от Иштар и персидской Анахиты, армянская Анаит не проявляет никаких воинственных наклонностей и имя ее не ассоциируется со смертью.

Как и у Арамазда, в Армении у нее было множество храмов, но самые известные находились в Эрезе, Арташате, Аштишате и Армавире. Гора в Софене называлась Трон Анаит, и у Камня кузнецов стояла ее статуя. Храм в Эрезе был, без сомнения, богатейшим святилищем в стране и излюбленным центром паломничества. Он был захвачен и разрушен до основания Григорием Просветителем. Лукулл вступил в провинцию Анаитакан, и только ради сокровищ, за сохранность которых боялись местные жители.

В честь Анаит проводилось два ежегодных празднества: одно, как утверждает Алишан, 15-го навасарда, вскоре после Нового года. Также ей был посвящен девятнадцатый день каждого месяца. Регулярное паломничество в ее храм предполагало принесение в жертву телки, поход к реке Ликос, протекающей поблизости, и пир, после которого статую богини украшали венцами. Лукулл увидел стада телок, посвященных богине, отмеченных ее знаком – факелом, которые паслись на лугах, на берегу Евфрата и на которых никто не обращал внимания. В странах к западу от Армении голову Анаит украшал полумесяц.

Мы уже говорили о том, что статуи, изображающие Анаит в главных святилищах, а именно в Эрезе, Аштишате и, возможно, Арташате, были из чистого золота. По словам Плиния, описывающего статую в Эрезе, она была не имеющим аналогов памятником Античности. Подчиняясь не Лукуллу, а Антонию, римские солдаты похитили знаменитую скульптуру. Ветеран из Болоньи, однажды развлекавший Августа и стараясь блеснуть изяществом, высокопарно высказался, что император ел обед с ноги богини и был первым врагом знаменитой статуи, безнаказанно допустившим святотатство, несмотря на слухи об обратном. Она, вероятно, была идентична статуе Артемиды Эфесской, которую, по словам Мовсеса, привезли в Эрез с запада.

Тиур (Тир)

За пределами Арташата, древней столицы Армении (на Араксе) и близко на дороге в Валарша-пат (зимнюю столицу), находился самый известный храм Тира. Это место называлось Erazatuun (по-гречески 'ονειρομοῦσος), что в переводе, возможно, означает «толкователь снов». У Тира был еще один храм в священном городе Армавир.

Он был не кем иным, как писцом Арамазда, что может означать только одно: высоко, в обиталище богов, он вел запись добрых и злых деяний людей ко дню Страшного суда, или, что более вероятно, ему в обязанность вменялась запись повелений (hraman, *перс*, firman), которые издавались Арамаздом в отношении каждой человеческой жизни. Эти повеления, без сомнения, записывались не только на небесных дощечках, но и на лбу каждого родившегося ребенка. Обычно их называли «начертанным на лбу», что, согласно современному фольклору, можно различить издали, но никто не в силах прочесть.

Кроме этих общих волеизъявлений и тех, что определяли судьбу человека еще до рождения, армяне верили в их ежегодное исполнение, напоминающее происходящее на собраниях вавилонских богов на мировой горе во время загмука (новогодних празднеств). Они установили, что это событие происходило весенней ночью. Как свидетельство этого можно наблюдать только повсеместно соблюдаемые ритуалы.

В христианской Армении та ночь стала ассоциироваться с днем Вознесения Господня. Люди, несомненно, снова и снова возвращаются к древней традиции, когда говорят о неизведанном, таинственном часе ночи накануне Вознесения, когда тишина окутывает всю природу. Небеса становятся ближе. Все родники и ручьи перестают течь. Потом цветы и кустарники, холмы и камни начинают приветствовать друг друга и обращаться друг к другу, и каждый проявляет свою, особую добродетель. Царь Змей, ухвативший себя за хвост, в эту ночь учится понимать язык цветов. Осведомленный об этом часе может любую вещь превратить в золото, погружая в воду и выражая свое желание именем Бога. Некоторые также говорят, что родники и реки струят свои воды, которые несут золото, но добыть его можно лишь в определенный момент.

В день Вознесения люди стараются узнать, что их ждет в течение года, обращаясь к книгам предсказаний или гадая по предметам, помещенным за день до того в чашу с водой вместе с травами и цветами. Тонкой тканью накрывают вещи, которые всю таинственную ночь созерцали лишь звезды, а молодая девушка достает их одну за одной, пока произносят стихи, прорицающие будущее.

Был ли Тир изначально связан со всем этим или нет, он являлся писцом Арамазда. Будучи ученым и искусником, он покровительствовал знаниям и наделял умениями. Его храм, названный хранилищем писца Арамазда, был также храмом учения и мастерства, то есть не только особым святилищем, где можно молиться и давать обеты, но и школой, где можно было учиться. Что бы ни включало в себя это обучение знаниям и умениям, оно было напрямую связано с искусством прорицания. Что-то вроде Дельфийского оракула. Это косвенно подтверждается тем фактом, что Тир, который не имел никакого отношения к свету, отождествлялся в эллинистические времена с Аполлоном, а также тем, что храм Тира пользовался великой славой за толкования снов. Именно сюда простой народ и знать приходили искать руководства в делах и просили истолковать свои сны. Толкование снов за долгое время превратилось в систематическую науку; она передавалась из уст в уста кланом жрецов или прорицателей их ученикам. Тир, должно быть, также покровительствовал письму и риторике, потому что на полях древнего армянского манускрипта Деяний Апостолов (14: 12) имя Гермеса, за которого однажды ошибочно приняли Павла из-за его красноречия, разъяснялось как «бог Тир».

Кроме всего сказанного, более чем вероятно, что Тир был богом, препровождавшим души умерших в мир иной. Очень распространенное армянское проклятие «Чтоб писец его унес!» или «Писца на него нет!», так же как близкое сходство Тира с вавилонским Набу, во многих отношениях подтверждают это мнение.

Несмотря на отождествление с Аполлоном и Гермесом, Тир ближе к вавилонскому Набу, чем к любому из греческих божеств. В действительности сам Гермес – копия Набу. Последний был богом учения и мудрости и обучал искусству письма. Он знал значение предсказаний и магических заклинаний и мог наделить этим даром. Он посылал (и, возможно, толковал) сны. В Вавилоне Набу был неразрывно связан с планетой Меркурий.

Но имя Тира – доказательство того, что вавилонский Набу не пришел прямо с юга. Какими же окольными путями он проник в Армению?

Ответ прост. Несмотря на загадочное молчание Авесты по этому поводу, в Иране был известен бог по имени Тир. Один из месяцев персидского календаря, как утверждают древние каппадокийские и армянские источники, был посвящен этому божеству (возможно, как и тринадцатый день каждого месяца). Как среди иранцев, так и среди армян встречается множество имен, составной частью которых является имя бога – Тир, как, например, Тирибаз, Трдат, Тиран, Тирик, Тироц, Тирит и т. д., что само по себе является неоспоримым свидетельством популярности бога. Тиро-Накатва – имя святого, которое встречается даже в Авесте. Из Ирана Тир переселился следом за персидскими войсками и персидской культурой в Армению, Каппадокию и Скифию, где мы обнаруживаем его имя Тейро, выгравированное на индоскифских монетах I века н. э.

У нас есть довольно веские причины утверждать, что армянский Тир точно соответствует иранскому Тиру и они оба идентичны Набу. Так же как Набу в Вавилоне, так и Тир в Иране был духом-покровителем планеты Меркурий и носил титул *Dabir*, «писец».

Но самым прямым доказательством может быть ссылка на первоначальное сходство персидского Тира с Набу. Нововавилонский царь Навуходоносор был глубоко предан Набу, своему святому покровителю. В устье Евфрата он построил в его честь город и дал ему название, частью которого было имя божества. Это название было переведено на греческий Беросом¹³ (или Абиденем?) как *Τερήδων* и *Διρίδωτις*, «посвященный Меркурию». Последняя форма, говорит Роулинсон¹⁴, относится к времени Александра. Похожий на стрелу клин для письма был самым распространенным символом Набу и мог легко стать источником персидских обозначений. То, что стрела воплощает персидскую концепцию Набу, прекрасно подтверждается тем фактом, что и Геродоту, и армянским историкам известна древняя форма имени Тиран – Тигран, как распространенная. Тигран, без сомнения, происходит от *Tigris*, древнеперсидского слова «стрела».

¹³ Б е р с, вернее, Беросс (ок. 350–340 – 280–270 гг. до н. э.) – вавилонский историк; написал «Вавилонскую историю» в трех книгах на греческом языке.

¹⁴ Роулинсон Генри Кресвик (1810–1895) – британский археолог, ассириолог, лингвист, дипломат. Первым дешифровал персидскую клинопись.

Михр (Митра)

К несчастью, наши познания об армянском Михре очень фрагментарны. Бесспорно, он иранского происхождения. Когда-то широко известный, он, кажется, частично утратил свою популярность к тому моменту, когда мы встречаемся с ним. Его имя Михр (парфянское или сасанидское Митра) указывает на его позднее появление. Однако он был назван сыном Арамазда и, следовательно, братом Анаит и Нанэ. В широко распространенном персидском зороастризме, особенно во времена Сасанидов, мы обнаруживаем, что солнце (Михр) и луна были детьми Ормазда: первый – от его собственной матери или даже от смертной женщины, луна – от его родной сестры. Изначально в Армении Михр, вероятно, образовывал триаду с Арамаздом и Анаит, подобно описанной в надписях Артаксеркса Мнемона¹⁵. Если так, то он вскоре уступил свое место национальному богу Ваагну.

Армянский Митра – загадка. Если он был духом света и воздуха, богом войны и соглашений, создание Арамазда, равное по силе своему творцу, как видно из Авесты, от этого не осталось никаких следов. Но для армян он был духом или богом огня, поэтому и отождествлялся с Гефестом во времена синкретизма. Это странное воплощение позже подтвердилось тем фактом, что до сегодняшнего дня главный праздник огня у армян происходит в феврале, месяце армянского календаря, соответствовавшем Мехекану (Ме-геки) (посвященному Михру). Но нельзя не заметить, что во всем индоевропейском мире февраль был одним из месяцев, когда разжигались новые костры.

Связь Михра с огнем в Армении можно объяснить как результат раннего отождествления с местным Ваагном, который, как мы скоро узнаем, был богом солнца, молнии и огня. Эта догадка приобретает большее правдоподобие, когда мы вспоминаем, что Михр не продвинулся далеко в Армении и, в конце концов, Ваагн занял в триаде место, по праву и по традиции принадлежавшее Михру.

О тайных обрядах, посвященных Михру, ничего не известно. Существовало немало имен, содержащих в себе имя бога: Михран, Михрдат и др. Армянское слово Мехуап, «храм», возможно, тоже происходит от его имени.

Мы знаем, что на празднике Митры – Митракане, когда великий царь Персии получал привилегию выпить (хаомы?¹⁶), его армянский вассал посылал ему тысячу лошадей. В районе Сасуна (древний Тараунтис) мы встречаем легендарного героя по имени Мехер (Мгер), вокруг которого концентрируется множество сказок и эсхатологических мифов. Он все еще живет как пленник в скале Агравакар, «воронова скала» (или в пещере Zymrzumps), в которую можно войти лишь в ночь перед Вознесением. Там он вращает колесо судьбы, и, когда оно остановится, наступит конец света.

Важнейший храм, посвященный Михру, находился в Багааридже (городе богов) в Держане, Высокая Армения (также Бардэр Айк или Карин), где хранились несметные сокровища. Это святилище также было разорено и разрушено Григорием Просветителем. Есть сведения, что в этой местности Михру приносили человеческие жертвы, и о том же прозрачно намекает Агафангел. Однако это очень сложно объяснить, поскольку в Армении такое жертвоприношение сопряжено лишь с культом дракона (т. е. дьявола). На основании связи Михра с эсхатологическими событиями мы можем предположить, что армянский Михр постепенно раскрылся в двух аспектах, один из которых мы только что рассмотрели, а другой имеет некое мистическое отношение к силам подземного мира.

¹⁵ Артаксеркс Мнемон – персидский царь, правивший в 404–359 гг. до н. э. Мнемоном (Памятливым) его прозвали греки из-за обладания исключительной памятью.

¹⁶ Х а о м а – обожествленный напиток в дозороастрийской религии.

Спандарамет

Амеша Спента, Спента Армаити (священный дух земли) и хранительница виноградников, была также известна переводчикам армянской Библии, которые использовали ее имя во 2-й книге ветхозаветных апокрифов (ст. 7), чтобы передать суть имени Диониса. Однако ей не досталось места в армянском пантеоне. Она была известна только как персидская богиня. Мы не слышали о культе Спандарамет среди армян, а ее имя не встречается ни в одном армянском религиозном документе.

Конечно, странно, что переводчики использовали имя иранской богини, чтобы перевести имя греческого бога. И все же точка соприкосновения вполне ясна. У персов Спента Армаити была широко известна как хранительница виноградников, а Дионис был богом вина. Но то ли из-за явного полового различия, то ли потому, что армяне были недостаточно хорошо знакомы со Спандарамет, вскоре переводчики (2-я книга Ветхого Завета, 14: 33; 3-я книга Ветхого Завета, 2: 29) отвергли ее имя и Диониса назвали Ormzdakan, то есть Арамазд, о чьем особом интересе в плодородии мы уже упоминали. Спента Армаити лучше известна в древней религии Армении как Спандарамет, богиня подземного мира.

Поклонение земле Езник¹⁷ называет магическим и языческим ритуалом, но он не связывает его напрямую с армянами, хотя почти нет сомнения в том, что когда-то у них в пантеоне была богиня земли по имени Еркир (Перкунас) или Армат.

¹⁷ Езник Кохбацци – церковный писатель и богослов V в., один из основателей армянской церкви, ученик Месропа Маштоца.

Глава 4

Семитские божества

Семитские божества были введены в армянский пантеон относительно поздно, несмотря на тот факт, что армяне всегда поддерживали торговые связи со своими южными соседями. Именно Тигран Великий (94–54 гг. до н. э.) напомнил о существовании этих богов и богинь, привезя из своих походов их великолепные статуи. Нелегко утверждать, сколько в этом было политического смысла. Как полуварвар, который приобрел вкус к западным предметам, он наверняка был поражен проявлением эстетики и величием высокоцивилизованной сирийской империи Селевкидов, а также их религии. Должно быть, он увидел, что в ее основе лежит много общего с армянской, и это выражается в идентичности богов. Однако в самой Армении не происходило никакого слияния местных богов с иностранными. Из достоверных источников видно, что из всех сирийских богов и богинь, мигрировавших на север, лишь Астхик (Астарта – Афродита) приобрела широкую известность. Напротив, другие стали менее значимы, чем местные божества, поначалу встретив сильное сопротивление. Эта ранняя стадия отражена в отношении Баал-Шамина к Ваагну и в той манере, в которой он фигурирует в героическом эпосе Армении как потерпевший поражение или убитый в бою. Становится все более очевидно, что почти все семитские боги попали в Армению из Финикии. Но вряд ли в этом можно проследить организованность и групповую связь, подобно Баал-Шамин – Астхик, как считает Дженсен в своей фантастической книге *Hittiter und Armenier* (нем. «Хетты и армяне»).

Баал-Шамин (арм. Баршамина)

В деревне Тортан, где хоронили патриархов, начиная с Григория Просветителя, когда-то стояла «ослепительно-белая» статуя сирийского бога Баал-Шамина, властителя небес. Она была сделана из слоновой кости, хрусталя и серебра. В традициях своего времени Тигран Великий захватил ее, совершив победоносный поход в Сирию. Без сомнения, великолепный материал служил для выражения характера и истории божества, портрет которого стремились воссоздать. В легендарном прошлом Армении, когда господствовал эвгемеризм, Баал-Шамин появился как великан, которого сирийцы обожествляли за его героические подвиги и которого победил Арам и убили воины. В действительности Баал-Шамин изначально был верховным небесным богом, который одаривал добром и злом, жизнью и смертью, дождем и солнечным светом, но уже слился с сирийским богом солнца, когда попал в Армению. В своем приемном доме он всегда оставался более или менее непопулярным соперником Ваагна, местного бога солнца и огня. Единственный сохранившийся армянский миф о нем рассказывает о том, как Ваагн украл у Баал-Шамина солому холодной зимней ночью. Из соломинок, которые, торопливо убегая, обронил небесный вор, образовался Млечный Путь. Возможно, это однозначно армянская, но фрагментарная версия легенды о Прометее, а соломинки легко связать с рождением огня (см. главу о Ваагне – гл. 5). Нет нужды говорить, что миф, который был современен даже в христианской Армении, не задумывался как хвала иностранному божеству. Армянский бог сыграл шутку с назойливым сирийским собратом. Если Астхик была женой Баал-Шамина, Ваагн одержал над ним еще одну победу, завоевав ее любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.